

Виктор Точинов

Тот, кто живет в пруду

Твари, в воде живущие

Виктор Точинов

Тот, кто живет в пруду

«Точинов Виктор»

Точинов В. П.

Тот, кто живет в пруду / В. П. Точинов — «Точинов Виктор»,
— (Твари, в воде живущие)

Вместе с домом и участком земли за городом Леша Виноградов получил в наследство от деда Яши ещё и небольшой пруд. Его теща потребовала, чтобы зять продал наследство и купил, наконец, себе жилье в городе. Но Леше безумно захотелось поселиться на природе, подальше от шума города... Впрочем, узнав чуть больше о своем пруде и его обитателях, он решил, что лучше все же сбыть наследство...

Виктор Точинов

Тот, кто живет в пруду

1

На участке был пруд – надо думать, в войну угодила в будущий огород здоровенная бомба, линия фронта проходила совсем рядом. А дед Яша засыпать не стал, благо земли хватало. И получился небольшой, метров шести в диаметре, живописный водоем идеально круглой формы.

На зеленом берегу пруда и сидел сейчас Леша Виноградов – к воде его тянуло с раннего детства. Еще карапузом нежного детсадовского возраста в начале каждого лета клянчил он у матери сачок для ловли бабочек: палка и проволочный обруч с пришитым конусом из яркой марли. Стоило это удовольствие тогда не то тридцать, не то сорок копеек – мать покупала, втайне радуясь, что чадо не требует чего-нибудь подороже.

Но бабочки, стрекозы и другие насекомые могли спокойно порхать, опылять цветочки и заниматься прочими своими делами – маленького Алешку представители отряда чешуйчатокрылых не привлекали. Вооружившись сачком и стеклянной банкой, он шел к ближайшему ручейку, пруду, болотцу или просто к большой луже (к глубоким водоемам мать, понятное дело, не подпускала) и долгие часы охотился на загадочных подводных обитателей.

Гребенчатые тритоны казались ему древними и обмельчавшими потомками динозавров – не вымерших, а просто скрывшихся в таинственно-прозрачных глубинах; шустрые водомерки восхищали своей удивительной способностью бегать, не проваливаясь, по водной поверхности; а уж если в сачке запутывалась оплошавшая крохотная рыбешка – это был невиданный праздник, тут же бежал к матери с идеей немедленной покупки аквариума.

Теперь увлечения раннего детства вызывали улыбку, но полноценным он считал отдых лишь у воды: рыбалка и байдарочные походы. Но вот Ирина...

Несмотря на скромные размеры водоема, рыбешка в нем водилась – вдоль края темно-зеленых водорослей, под самой поверхностью прогретой солнцем воды, почти неподвижно стояли стайки мальков.

Караси, лениво подумал Лешка, наверняка карликовая форма, большие в таких ямах никогда не вырастают – тесно, пищи мало... А пересадить их в просторное озеро – ого-го, большие килограмма вымахают... Ну и ладно, зато теперь не будет проблем с живцами на рыбалку... Подумал и удивился: пока он тут взвешивал все за и против, подсознание его, похоже, решило единолично – наследство не продавать.

Он и сам склонялся к такой мысли, но жена... но теща... о-о-ох, нелегко будет отстоять свое решение... Если вообще удастся отстоять.

День клонился к вечеру. Надо вставать и уезжать обратно в город, но Леша продолжал полулежать на берегу пруда, благодушно поглядывая, как медленно ползут по небу два одиноких в безбрежной синеве облачка – домой совсем не хотелось.

Синебрюхая стрекоза-коромысло, обманутая его неподвижностью, простодушно уселась прямо на кончик Лешкиного носа, крепко вцепившись крохотными шершавыми лапками. Он дернулся от неожиданности, спугнул негаданную постоялицу и проводил глазами ее полет – далеко стрекоза не улетела, села над самой водой шагах в трех от него на длинную травинку, свисающую с берега, и застыла, широко расставив прозрачные крылья...

Глаза еще машинально следили за стрекозой и Леша видел произошедшее с ней с самого начала, но толком ничего не рассмотрел, слишком быстро все началось и закончилось: что-

то длинное, чуть длинней указательного пальца, но тонкое, очень тонкое, метнулось из воды вверх – плохо различимое, смазанное быстротой движения. И стрекоза исчезла. Не улетела – мгновенно, почти без всплеска исчезла под зеркальной поверхностью пруда.

Лягушка... – слегка удивился Леша, приподнимаясь в безуспешной попытке разглядеть под водой удачливую охотницу. Редкий, однако, случай – увидеть такое, а подробностей вообще без рапидной съемки не разберешь – язык у пучеглазой выстреливает и вытягивается обратно за долю секунды...

О том, что еще в мае, отметав икру, все лягушки выбрались на сушу, где и охотятся – об этом Леша как-то тогда не подумал...

2

Да и сам участок хорош, что говорить. По документам значилось восемнадцать соток, на деле оказалось гораздо больше – участок крайний в поселке, с трех сторон поля – и дедуля, выставляя заборы, не особо церемонился. На наследственную территорию таким образом, на самых задах участка, угодил даже небольшой лесок. Ну, не совсем лесок, скорее рощица – десяток старых толстых берез по самой границе и, между ними и домом, поросль молодых тонких осинок. Гряды, плодовые кустарники и деревья разделяли широкие газоны некошенной травы, кое-где сливавшиеся в обширные лужайки. Для Леша, привыкшего к дикой скученности шести соток в их с матерью садоводстве, зажатых между уделами таких же малоземельных огородников, где не найти даже пяточка травы, способного вместить разложенный шезлонг – для Леша такое приволье казалось чем-то небывалым и расточительным.

Просторный участок стал, пожалуй, главным доводом, удержавшим от немедленной продажи неожиданно привалившего наследства. Эх, хорошо бы тут, на травке, да шашлычки, да с семьей... Была бы только семья...

Дом, правда, подкачал – похоже, покойный дедушка Яша воздвиг сие строение в тяжелые послевоенные годы действительно в одиночку, собственными руками. Вот только, к сожалению, это не были руки профессионального плотника либо строителя – дом получился надежным и, как оказалось, долговечным – но каким-то больно уж корявым...

Умершего полгода назад и оставившего наследство деда Леша Виноградов никогда в жизни не видел. Он и с отцом-то встречался в сознательном возрасте раз пять-шесть, не больше, и последняя встреча состоялась семнадцать лет назад – а ежемесячные переводы, как выяснилось, присылал со своей ветеранской пенсии опять же дед, испытывавший чувство неловкости за своего непутевого сына. Хороший был, судя по всему, мужик дедушка Яша...

Леша наконец поднялся с травы и массировал затекшую левую руку (и сам не заметил, как успел отлежать), когда, радостно виляя хвостом и подпрыгивая словно резиновый мячик, к нему подбежал лохматый песик неизвестной породы. Дедуля, похоже, его в свое время подкармливал и теперь кобелек продолжал по старой памяти визиты на их участок. Леша познакомился с ним в позапрошлый приезд, легко подружился и, не мудрствуя лукаво, окрестил Бобиком.

Бобик, похоже, привык к его посещениям и сейчас весело припустил к машине впереди Леша, рассчитывая на очередное угощение.

– А что, Бобик-бобырик, – сказал ему Леша, достав из салона потрепанной “четверки” припасенный кусок колбасы. – Вот поселимся мы с Иркой здесь, на лоне природы – пойдешь к нам в сторожа? Служебную жилплощадь предоставим – будку сладим со всеми удобствами, паек выделим, раз в неделю выходной, зимой – оплачиваемый отпуск... Не возражаешь?

Песик торопливо доедал угощение и никаких возражений не высказывал. Леша даже огляделся вокруг, прикидывая, куда лучше поставить конуру, он почему-то представил ее очень зримо – небольшую, уютную, сколоченную из свежеструганных сосновых досок... Потом

так же зримо представил, как отреагирует на его идею Ирина – вздохнул уныло, сел в машину и завел двигатель...

3

– Алексей, вы ездили вчера в агентство? – Елизавета Васильевна всегда проводила в жизнь пришедшие ей в голову идеи с неторопливой целеустремленностью асфальтового катка, управляемого глухонемым водителем – спорить, возражать и пытаться изменить направление движения абсолютно бесполезно. Хотя, возможно, это еще не самый худший из возможных вариантов тещи – по крайней мере, с зятем общалась с холодной корректностью, звала всегда Алексеем и исключительно на “вы”...

– Ездил... – безрадостно подтвердил Леша. И добавил, не дожидаясь следующих вопросов:

– Ничего хорошего... агент назвал примерную цену ... очень мало... на однокомнатную никак не хватает... В лучшем случае на комнату в малонаселенной коммуналке...

Сейчас самое время сказать, что гораздо лучше молодой семье жить в своем доме, чем ютиться в коммуналке, пусть и малонаселенной; что эти двадцать пять километров от города при наличии машины сушая ерунда, даже работу им менять не придется – люди из какой-нибудь Сосновой Поляны, городского якобы района, вдвое дальше до центра едут; что дом не так уж сложно расширить и перестроить, что в нем стоит телефон, а в ближайшие два года обещают дотянуть ветку с горячей и холодной водой...

Он не сказал ничего.

Сидел, понуро ковыряясь в тарелке с завтраком – жутко полезные для здоровья залитые молоком овсяные хлопья Леша тихо ненавидел. Он начнет этот разговор, но не теперь, попозже, надо постараться и как-то перетянуть на свою сторону Ирку, и тогда...

А несокрушимый каток надвигался:

– Ничего, мы с ее отцом (кивок в сторону дочери) тоже не с отдельных хором начинали... Тут ведь главное – самостоятельная жизнь, я и сама понимаю, что вам, молодым, жить со старухой совсем не сахар.

И теща картинно сгорбилась, изображая, какая она старая и немощная. Кокетничала, конечно – для своих сорока пяти сохранилась на удивление. А последний ее пассаж надлежало понимать так: уматывайте-ка, дорогой Алексей, с моей законной жилплощади, и дочь непутевую забирайте, коли уж приспичило ей выскочить за недоумка, не способного к двадцати семи годам заработать на квартиру – и это в наше время, когда деньги вокруг текут ручьями и потоками. Пускай поживет в коммуналочке, может образумится, поймет, что жизнь еще не кончена и можно начать все с начала. Уматывайтесь и не мешайте строить личную жизнь в отсуженном у бывшего мужа двухкомнатном кооперативе.

Благоверная, понятное дело, тоже не смогла остаться в стороне от разговора:

– Я узнавала – в бюллетене недвижимости объявление с цветным снимком четыре на четыре стоит всего сотню. Но говорят, что лучше пригласить их фотографа, чтоб выбрал самый выгодный ракурс, они на этом деле собаку съели...

Леша тоскливо думал: как, какими словами предложить Ирине поселиться в пригороде – дитя асфальта, к свежему воздуху и красотам природы она равнодушна, а к рыболовно-туристским увлечениям мужа относится в высшей степени подозрительно, свято уверенная, что единственная их цель – попить вдали от жены водку и завалиться в палатку с разомлевшей от песен под гитару девицей... В лодочные походы все три года брака Леша не ходил, а от трофеев редких рыбалок Ирина воротила нос подчеркнуто брезгливо, презрительно именуя рыбу всех пород “селедками”. Самое удивительное – жену Леша любил и верил, что стоит им отделаться от вконец опостылевшей опеки тещи – и все наладится само собой, Ирина поймет, как много

потеряла за эти годы, посвященные тому, что она называла без тени иронии “светской жизнью”...

– Алексей, – заявила теща в конце завтрака. – Я в пятницу уезжаю на неделю в Грузино – подготовьте, пожалуйста, машину...

Это звучало отнюдь не как просьба – как приказ, простой и ясный.

– Хорошо, Елизавета Васильевна.

– Ириша меня проводит и останется на уик-энд. Оставайтесь и вы, если хотите.

– К сожалению, не могу, Елизавета Васильевна, – я... я обещал съездить к матери в Тихвин... на эти выходные... – не моргнув глазом соврал Леша, вдохновленный перспективой остаться наконец в одиночестве. Но потом с грустью подумал, что до пятницы придется посвящать женщин в свои планы – иначе оправдать недельное бездействие в продаже недвижимости будет просто нечем.

4

Воспользовавшись неожиданной свободой, в субботу он опять отправился в Спасовку, надо поправить кое-что в старом доме – неважно, для продажи или для собственного жилья.

Заменял прогнившую и развалившуюся ступеньку крыльца – получилось, кстати, кривовато, отнюдь не красивее, чем у дедушки; с четвертой или пятой попытки вставил стекло взамен потемневшей от непогоды фанерки – у деда перед смертью руки до всего этого явно не доходили; тоскливо прикинул, какие материалы нужны для ремонта ветхого, разваливающегося сарая – в общем, до обеда время пролетело незаметно.

В доме обедать Алексей не захотел – вытащил на улицу легкий столик и табуретку, установил в самом живописном месте, под яблоней у пруда.

Привезенные с собой котлеты оказались на диво вкусными, уж что-что, а отлично готовить Елизавета Васильевна дочку научила. Под такую закуску и после такой ударной работы не грех и принять сто грамм – Леша крутанул винтовую пробку с четвертинки “Столичной” – выпил, закусил ароматной поджаристой котлеткой, мысленно похвалил жену и тут же погрузился, вспомнив вчерашний разговор перед своим отъездом из Грузино...

... Разговор получился тяжелым. Ирина немедленно встала на дыбы, не желая слушать никаких доводов – поддержала Лешу, как ни странно, теща – впрочем, достаточно вяло. Надо понимать, Елизавете Васильевне по большому счету все равно, куда выпихнуть дочку с зятем, а процесс продажи дома и покупки другого жилья мог затянуться. Но и при поддержке тещи добиться удалось немногого: договорились через неделю приехать втроем в Спасовку, осмотреть как следует дом с участком и принять окончательное решение – и он предчувствовал, что это будет за решение.

Он обвел взглядом сад, старые березы, начинающие зеленеть ряской берега пруда – похоже, не судьба пожить в этом приглянувшемся месте... Стал наливать вторую стопку и тут произошло то, что напрочь вымело из головы все мысли о грядущей семейной баталии.

Все повторилось один к одному. Только на месте стрекозы теперь оказалась птица – крохотная трясогузка, разгуливавшая по краю обрамлявшей берег ряски. Мгновенное, почти неразличимое движение, всплеск и растопырившая крылья птичка исчезла под водой, не успев ничего сделать, не издав ни звука...

Алексей ошалело глядел на то место, где только что суежилась серая длиннохвостая попрыгунья и не замечал, что водка льется мимо пластиковой стопки; снял очки, стал протирать и сразу нацепил обратно – почти на то же место села другая трясогузка, точная копия первой. Или та самая? Он ведь не следил за ней специально, скользил по берегу рассеянным взглядом...

Затаив дыхание, Леша смотрел, как птичка шустро пробежала по чуть прогибающемуся под ней ковру ряски, клюнула пару раз каких-то личинок-козявочек и... И улетела. Вполне можно списать исчезновение первой на банальный обман зрения, если бы... если бы не характерное возмущение поверхности, небольшой такой бурунчик точно в момент взлета второй птицы – словно что-то собралось метнуться за ней, не успело и в последний миг остановило стремительное движение...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.